PG 3447
. Z18 B3

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ZAGORSKIĬ

БАБУШКА и ВНУЧКА.

Руская народная Идиллія.

BABUSHKA I VNUCHKA

PG3447
.Z18B3

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. КЛОЧКОВА.
Спб., Литейный, 55.

P.S.70.2.70

БАБУШКА И ВНУЧКА.

Руская народная Идиллія.

„Что ты свѣтъ мой грустна? о чемъ встосковалось сердечко;
Свѣся головку на праву сторонку, и ясныя очи
Въ землю потупя, сидишь и бабушкѣ слова немолвишь.
Полно не свадьба-ль тебя застращала? И! другъ мой, стыдись,
Что въ ней ужаснаго? Повѣрь, женихъ не медвѣдь, не укуситъ.
Да и къ замужству тебя ни мать, ни отецъ не неволятъ;
Волей сама ты идешь и собственной доброй охотой.
Дѣло иное, когда родители силою нудятъ:
Вотъ ужь несчастье, скажу, и врагу не желала бъ такого;
Лучше бы въ гробъ положили, чѣмъ за постылаго выдать:
Въ гробѣ всѣмъ мукамъ конецъ, а съ постылымъ всю жизнь прогорюешь.
Долго живу я на свѣтѣ, и много видала примѣровъ:
Палкой отецъ погрозитъ, а мать настращаетъ словами;
Дочери нечего дѣлать, поплачетъ себѣ, потоскуетъ,
Да и пошла подъ вѣнецъ; а что же послѣ выходитъ?
Мужь хозяйкѣ злодѣй, а хозяйка хозяину ворогъ;
Вѣчно въ ссорѣ и дракѣ, словно собаки грызутся,
Или мужь въ кабакѣ весь день за стаканомъ проводитъ,
Пѣсни разгульны поетъ, а о домѣ нимало не тужитъ;
А жена, между тѣмъ, то къ кумѣ, то къ сосѣдкѣ, то къ свахѣ
Бѣгаетъ, мужа бранитъ и всякое зло накликаетъ:
Дура не знаетъ того, что ей же дѣлитъ съ нимъ несчастье.
Дѣти ль родятся у нихъ? Несчастные брошены вовсе:
Ихъ ненавидитъ отецъ за то, что жена родила ихъ;

Мать же не любитъ за то, что ихъ отъ мужа имѣетъ.
Такъ безъ надзора растутъ, выростаютъ, одни лишь дурные
Видя примѣры, и послѣ выходятъ изъ нихъ негодяи;
Пить и грубить отъ отца, отъ матери лѣнь занимаютъ.
Домъ въ безпорядкѣ! посмотришь: плыветъ да плыветъ по маленьку,
Только не въ домъ, а изъ дому! окладъ выплачивать надо;
Надо платить и долги, и въ кабакъ, и сосѣду, и куму.
Прежде зажиточны были: коня и коровку имѣли,
Были и овцы, и козы, и свиньи, и куры, и гуси;
Былъ на мужѣ кафтанъ, пестрединная съ строчкой рубаха;
Былъ и жемчугъ у жены, и повойникъ и теплая шуба;
Гдѣ теперь все? ни слѣда не осталось! продано поле,
Проданъ и домъ и домашній весь скотъ, напослѣдокъ и платье!
Смотришь: на старости лѣтъ пошли подъ оконьемъ съ сумою.
Вотъ каково-то, мой свѣтъ, приневоливать дѣвушекъ за мужъ.
Но, дружокъ, не тебѣ опасаться такова несчастья,
Волей идешь ты за Павла; и часто сама признавалась,
Что не смѣняла бъ его и на Царскаго сына; а добрый
Павелъ такъ любитъ тебя, что въ тебѣ и души онъ не слышитъ."

Такъ передъ внучкиной свадьбой, бабушка ей толковала,
Ленъ серебристый прядя. Лѣнивому только мѣшаетъ
Дѣло вести разговоръ; а досужій и то и другое
Вмѣстѣ легко исправляетъ, за тѣмъ что труда не боится:
Наша старушка пряла за двухъ и за трехъ говорила.
Видя-жь, что стало темненько, и пальцы уставшіе худо
Веретеномъ шевелятъ, въ уголокъ отставила прялку,
Ближе къ невѣстѣ подсѣла и вновь завела разговоры:
„Свѣтъ мой, все ты грустна; не запали-ль какія дурныя
Мысли въ голову? Ужь не боишься ль, чтобъ Павелъ отдумалъ,
И отступясь отъ тебя, въ людскомъ опорочилъ бы мнѣньи?...
Онъ не плѣнится другой, въ этомъ ты твердо увѣрься,
Павелъ не глупъ, не захочетъ мѣнять добра на дурное:
Знаетъ онъ самъ, да и всѣ, что краше тебя въ околоткѣ

Дѣвки не сыщешь другой. Богатствомъ боишся отманять?
Нѣтъ, не таковъ твой женихъ! и самъ онъ имѣетъ достатокъ,
Да и мыслитъ умно: „на богатой-де, молвитъ, жениться,
Значитъ идти въ кабалу — быть въ домѣ слугою, не мужемъ;
Лучше какъ оба равны, ни бѣдны, ни слишкомъ богаты.“
Вотъ твой Павелъ каковъ! чего же тебѣ опасаться?
Право, напрасно меня не послушалась въ прошлыя святки,
Ночь бы одну просидѣть передъ зеркаломъ въ скромной свѣтлицѣ;
Тутъ бы увѣрилась ты, что съ тѣмъ, кто явился, (и вѣрно бъ
Павелъ то былъ) никакая на свѣтѣ судьба не разлучитъ.
И не грустила бъ теперь, а только бы пѣсенки пѣла;
Я вѣдь не съ вѣтра мелю, а то, что по опыту знаю.
Слушай, теперь на досугѣ тебѣ разскажу подноготно,
Какъ проворно меня сговорили и выдали за мужъ:
Я не грустила, какъ ты; никакое сомнѣніе въ мысли
Мнѣ не входило, за тѣмъ, что суженый былъ мнѣ извѣстенъ.
Видишь, теперь я худа, суха, безобразна, горбата,
Только кости да кожа, и та вся въ широкихъ морщинахъ;
Худо видятъ глаза, и руки дрожатъ за работой;
Такъ ужь не спрясть мнѣ, не сшить, какъ прежде шивала и пряла.
Но вѣдь невѣчно была я такой безобразной старухой;
Было время (оно давнымъ давно пролетѣло,
Но лишь припомню его, отъ радости сердце заходитъ);
Было время, и я слыла молодой и пригожей.
Словно маковый цвѣтъ, цвѣли мои красныя щеки,
Имени не было мнѣ другова, какъ бѣлая лебедь,
Статная пава; и я не знала куда мнѣ дѣваться.
Наши проворные парни, того одного и смотрѣли,
Какъ бы одну залучить и хоть бы полслова шепнуть мнѣ.
Выду-ль къ ручью за водой? посмотришь, откуда возмется,
Мóлодецъ . . . . слѣдомъ бѣжитъ: „стой красная дѣвица,“ кличетъ;
„Что ты вышла одна? не лучше-ль вдвоемъ? не легки вѣдь
Вѣдра твои; коромысло натретъ лебединую шейку.
Дай-ка я ведры налью и снесу ихъ до самаго дома,
Ты же, соловушекъ мой, идучи распѣвай себѣ пѣсни.“

Добрый парень, спасибо! право, сама я умѣю
Вѣдра налить и донесть; а съ пѣсней вчера я охрипла. —
Въ лѣсъ ли пойду по грибы иль по ягоды? новая встрѣча! . . .
Парень какъ съ неба спадетъ: „здорово, моя золотая!
Ты кузовокъ свой плотненько набила, тебѣ недойти съ нимъ
До дому, бѣлыя ручки обтянетъ; позволь подсобить мнѣ.
Кстати, тутъ близко полянка, свѣжо тамъ отъ липокъ душистыхъ,
Сладко черемуха пахнетъ и ключь студеный играетъ;
Ты пріустала бродя; отдохни тамъ немножко; ты можешь
Сплесть вѣнокъ и со мною слова два молвить."
Добрый парень, спасибо! не трудно донесть мнѣ мой кузовъ;
Въ будни не нуженъ вѣнокъ, а болтать недосугъ мнѣ! —
День ли воскресный придетъ? въ селѣ молодёжь соберется
То подъ волынку плясать, то рѣзво побѣгать въ горѣлки; —
Тутъ-то бывало меня до усталости парни измучатъ.
Стану въ горѣлки играть? у всѣхъ ихъ одна лишь забота:
Какъ бы меня изловить, иль гоняясь за мною, подалѣ
Къ рощѣ угнать, какъ овечку хищные волки отъ стада;
Я же не промахъ была и бѣгать проворно умѣла,
Такъ перемучу инаго, что самъ на себя не походитъ!
Съ бѣднаго потъ въ три ручья и духъ переводитъ насилу;
Или коль бѣгать не мастеръ, нарочно пущусь я по кочкамъ:
Смотришь, запнется, тотчасъ упадетъ и охая встанетъ,
Храмлетъ тащась, да другіе хохочутъ себѣ, да смѣются. —
Пляска ль начнется? Тутъ всѣ меня суетятся бывало
Другъ у друга отбить; и тотъ, кому удавалось
Вечеръ со мной поплясать, повѣришь ли, ходитъ какъ пьяной;
Съ радости, „Маша," твердитъ всѣмъ, „со мной плясала весь вечеръ."
Вотъ какъ, сердечко мое, жила я въ бывалые годы!

Между этими парнями много зажиточныхъ было,
Много красивыхъ и умныхъ, и каждый почти меня сваталъ;
Батюшка радъ былъ тому, и часто говаривалъ: „Маша,

Видишь, какихъ жениховъ тебѣ Господь Богъ посылаетъ:
Что же ты дурочка медлишь? скорѣй избери ты любова,
Да веселымъ пиркомъ и за свадебку." — Мнѣ же, сказать откровенно,
Не былъ изъ нихъ ни одинъ по сердцу; и батюшкѣ это
Очень страннымъ казалось. „Возможно-ль, чтобъ ты, говорилъ онъ,
Счастье сама отклоняла? Неужели припала охота
Въ дѣвкахъ до смерти дожить? Не вѣкъ молодою ты будешь;
Старую-жь дѣвку, считаетъ всякъ хуже старой подметки."
Такъ онъ пѣвалъ мнѣ, сердясь, и думалъ меня приневолить.
Я же съ мольбой и слезами къ его колѣнамъ припала;
Онъ смягчился и мнѣ полную волю оставилъ.
Но не долго я въ дѣвкахъ сидѣла: еще и полгода
Не протекло, а я ужь была за покойникомъ мужемъ.
Какъ же это случилось — узнаешь; за тѣмъ и бесѣду
Я съ тобой завела; теперь ты внимательнѣй слушай.
Тетка была у меня, старуха лѣтъ во сто и слишкомъ,
Дай ей Богъ царство небесное, многимъ она помогала!
Знала науку она, которой немного ученыхъ;
Знала коренья и травы, ихъ тайныя чудныя силы;
Знала болѣзни лѣчить, дать труднымъ родамъ облегченье,
Порчу отвесть, и сыскать, разведши бобами, пропажу;
Вотъ на Святкахъ она говорила мнѣ: Маша, послушай
Добрыхъ совѣтовъ твоей опытной тетки старухи;
Ты ужь дѣвка въ порѣ, за тобой волочатся парни;
Сваталъ тебя не одинъ, а ты до сихъ поръ одинока.

Загорскій.

Печатать позволяется: Маія 26-го дня, 1825 года.
Цензоръ А. *Бируковъ.*

СМОЛЕНСКОЕ ПОЛЕ.

Какъ я люблю въ вечерніе часы —
Когда свѣтило дней надъ моремъ догараетъ,
И въ видѣ огненной багряной полосы
Заря по западу свой поясъ простираетъ —
Здѣсь на лугу зеленомъ отдыхать
И взорами въ окрестности блуждать!
Тамъ города кичливыя строенья
Теряются главами въ облакахъ;
Тамъ море синее въ пологихъ берегахъ;
Тамъ хижины смиреннаго селенья,
А тамъ могилы и кресты,
Краснорѣчивые свидѣтели тщеты,
И сосны вѣтьвями прикрыли ихъ своими,
И ели черныя развѣсились надъ ними.
О море Финское! плѣнителенъ твой видъ,
Когда заря въ тебѣ горитъ,
Одѣтымъ заревомъ румянымъ,
Ладья крылатая скользитъ,
И полосатый флагъ, играя съ вѣтромъ, вьется,
И часто выстрѣлъ раздается,
И утку сѣрую въ златыхъ волнахъ разитъ.
Тогда, тогда я все на свѣтѣ забываю,
И съ нѣжнымъ Мосхомъ восклицаю,
Что тихій берегъ мнѣ не льститъ,
И воскрыленною мечтою
Летя за легкою ладьёю,

Безпечныхъ жребію завидую стрѣлковъ.
Но вспомня бурю громовую,
И грохотъ волнъ и пѣну ихъ сѣдую,
И молнію среди сгущенныхъ облаковъ,
Съ невольнымъ трепетнымъ волненьемъ,
Я отвожу отъ моря взоръ,
И вижу подъ собой съ безмолвнымъ восхищеньемъ
Зеленый муравы ковёръ.

Взгляну ли на тебя, печальное кладбище,
Угасшей суеты послѣднее жилище?
Какое сладкое уныньe льется въ грудь
И томныя родитъ воспоминанья
О васъ, друзья, о васъ, свершившихъ трудный путь,
И въ гробѣ навсегда почившихъ отъ страданья.

Какая пестрота! Тамъ гордый мавзолей
Блистаетъ золотомъ подъ сѣнью тополей,
И деревянный крестъ, склонившися уныло,
Стоитъ надъ скромною дерновою могилой.
Увы! не ясно ли сей видъ намъ говоритъ,
Что смерть безъ выбора разитъ
И богача въ его чертогѣ пышномъ, чудномъ,
И пахаря за тяжкою сохой,
Что рано ль, поздно ли, по легкомъ или трудномъ
Житьѣ, нисходимъ всѣ мы въ сумракъ гробовой.
Почтожь, безумные, другъ друга презираемъ?
Почто, когда судьба намъ почести дала,
Съ презрительной холодностью внимаемъ
Безхитростный разсказъ о подвигахъ села;
И въ чемъ мы равны всѣ, отличны быть желаемъ? . . .

Но часто грозный звукъ тимпановъ и роговъ
Мои унылыя мечтанья прерываетъ;
Я вижу, бранный строй и свѣтлый рядъ штыковъ
Послѣднее лучей сіянье отражаетъ.

О! какъ душа моя тогда восхищена,
Окрылена воображеньемъ,
Летитъ въ минувшее она
И видитъ Рускія побѣды съ изумленьемъ.
Тамъ грозный *Святославъ*, какъ нѣкій великанъ,
Перуны гибели на черный Понтъ кидаетъ,
И стѣны гордыя Царьграда потрясаетъ;
Тамъ мудрый сынъ его, свѣтило Кіевлянъ,
Побѣдами народы изумляетъ
И древніе предѣлы Рускихъ странъ
На Западъ, Югъ, Востокъ и Полночь раздвигаетъ;
Тамъ *Дмитрій* мещетъ громъ; тамъ смѣлый *Іоаннъ*
Неволи цѣпь рветъ сильною рукою,
И царства попраны Гигантскою пятою,
И слава звучною трубою
За дальни горы и моря
Вѣщаетъ Бѣлаго Царя;
Тамъ *Петръ*, свѣтъ Сѣвера, и лавры вѣчной славы
Взрощаютъ намъ поля кровавыя Полтавы;
Тамъ Рымникъ и Дунай, и Чесма и Кагулъ
Облиты кровію, — и трепетный Стамбулъ
Томиры Сѣверной къ стопамъ чело склоняетъ
И миръ постыдный вымоляетъ! —
И вотъ, о верхъ торжествъ! непобѣдимый Россъ
Свергаетъ гибельный колоссъ
И счастье вольности Европѣ возвращаетъ! . . . .

Но скоро ли опять гласъ браней воззвучитъ
И лавры новые взроститъ
Неукротимая Беллона! . . .
Тогда, тогда и я, питомецъ Аполлона,
Покину тихій миръ долинъ,
И смѣло стану подъ знамёна
Среди воинственныхъ Дружинъ

За Вѣру, за Царя и внуковъ Амфіона!
Безъ страха ринусь я на тысячу мечей,
Безъ страха встрѣчу сопостата,
И грозный свистъ его Дамаскаго булата
Неустрашитъ моихъ ушей....
И послѣ битвы, надъ тѣлами
Пожертыхъ мщенію враговъ,
Друзья-соратники! я съ вами,
При дымномъ пламени костровъ,
Наполню чашу круговую,
И руку смѣлую свою
Простру на лиру боевую
И Гимнъ побѣды воспою.

Загорскій.

Печатать позволяется: Маія 26-го дня, 1825 года.
Цензоръ А. *Бируковъ.*

139

533

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE INTERBOOK BINDERY, INC.
BOUND TO PLEASE

FEB 71

N. MANCHESTER,
INDIANA

LIBRARY OF CONGRESS
00023288898